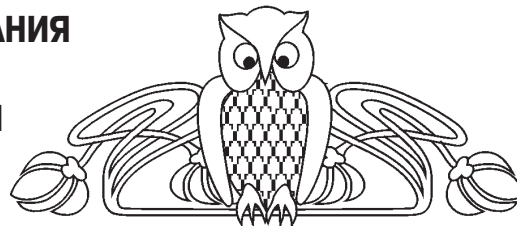

УДК 316.35

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ

Д. М. Давлетшина

Институт филологии и искусства Казанского федерального университета
E-mail: hunter8910@yandex.ru

В статье даются различные определения понятия «качество жизни» применительно к нынешнему состоянию населения России. Качество жизни россиян следует рассматривать как качество жизни коллективного субъекта, агрегатированное из качества жизни каждого гражданина. Это «всеобщее» качество жизни требует улучшения во всех аспектах и должно измеряться и оцениваться по объективным и субъективным показателям по отношению к целевому критерию (эталоно), ориентированному на реальную перспективу социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: качество жизни, морально-нравственные установки, культурная модернизация.

Theoretical-methodological Bases of Research Quality of Life and Cultural Potential of Youth

D. M. Davletshina

This article provides various definitions of «quality of life» in relation to the current state of Russia's population. Quality of life in Russia should be seen as quality of life of the collective entity, aggregated from the quality of life for every citizen. This is a «universal» quality of life needs improvement in all aspects and should be measured and evaluated by both objective and subjective indicators of the target criterion (standard), centered on the real prospect of socio - economic development.

Key words: quality of life, moral setting, cultural modernization.

В 2004 г. Президент России впервые определил качество жизни как целевой критерий социально-экономического развития страны. С этого времени проблема измерения и оценки качества жизни населения России перешла в плоскость решения практических задач. В последующие годы неоднократно подчеркивалась важность ориентации на проблему повышения качества жизни населения, решение которой изменило бы качество жизни в России и обеспечило нашей стране лидерские позиции. Наиболее обоснованным является определение качества жизни населения с позиций понимания сущности жизни людей как процесса, направленного в целом на сохранение и развитие жизни человечества во все более широких границах природных условий путем созидательной деятельности, преодоления природных, личностных и социальных противоречий и трудностей.

Таким образом, качество жизни населения, в том числе и молодежи, определяется жизненным потенциалом общества, входящими в него социальными группами отдельных граждан, средствами, условиями и результатами их жизнедеятельности, социально позитивными потребностями, ценностями и целями. Проявляется качество жизни в субъективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью как биологическим, психическим (духовным) и социальным явлением.

Теоретическую основу социологических концепций качества жизни составляют научные парадигмы, которые рассматривают человека с позиции его потребительской сущности. Данный подход позволил осмыслить место человека в системе общественных отношений, благополучия, благосостояния, раскрываемого с интеграционных позиций объективистского и субъективистского подходов. У М. Абрамса, А. Кэмпбелла, П. Конверса, У. Роджерса отмечается «субъективно оцениваемое» качество жизни – индивидуальные человеческие потребности и ощущения. «Качество жизни» связывается с воспринимаемым или осознаваемым индивидуальным благополучием, отражаемым в оценках людей как удовлетворение или неудовлетворение жизнью, счастье или несчастье в жизни. Концепция «ощущаемого качества жизни» А. Кэмпбелла – это удовлетворенность материальным положением, межличностными отношениями, уровнем самооценки. С. П. Капица рассматривает качество жизни как один из компонентов устойчивого развития населения Земли. «В ХХI веке в новых демографических условиях при стабилизации численности населения критерием развития станет качество населения. Именно в этом контексте следует рассматривать концепцию устойчивого развития человека: витальности (здоровья), свободы и творчества»¹.

На наш взгляд, качество жизни выступает как комплексное понятие, включающее в себя как экономические, так и социально-психологические показатели, выражающиеся в степени удовлетворенности условиями жизнедеятельности людей. Оно

включает в себя такие компоненты, как состояние рынка труда, жилищные условия, качество образования и медицинского обслуживания, основных социальных услуг в сфере культуры, физической культуры и спорта, обеспечение правовой и экологической безопасности.

Принципиально новым по отношению к другим трактовкам качества жизни является введение в это понятие новой составляющей – «жизненного потенциала» людей (индивида или социума). Жизненный потенциал представляет собой ядро жизнедеятельности. Субъективно он проявляется у человека в ощущении своей силы, в желании активно действовать, в чувстве радости от самого факта своей жизни. И это – базовый компонент качества жизни, основа всех потребностей и ценностей, как биологических, так и духовных, нравственных.

«Общим местом» гуманитарных исследований конца XX в. стал вопрос преодоления духовно-нравственного кризиса эпохи, темпорально обозначенной как «время смены тысячелетий», а семантически и контекстно – такими дефинициями, как «третье осевое время» (К. Ясперс), пост- и постпостмодернизм (Ч. Дженкс, Ж. Деррида, Ж-Ф. Лиотар), информационная эпоха (М. Кастельс), эпоха глобализации и «глобальной деревни» (М. Макклэун). В конечном итоге интеллектуальное пространство гуманитарной рефлексии наполнилось мыслями и умозаключениями по поводу возникшего диссонанса между новыми материальными и техническими возможностями человечества и их влиянием на поведение личности, на ее отношения с самой собой, социумом и вселенной. Стало понятно, что для дальнейшего существования и гармоничного развития социума, а также личности в нем необходимо преодолеть барьер, стихийно сложившийся из множественных девиаций и аномий, из деструктивных проявлений, социальных потерь, основанных на тотальных медийных манипуляциях и подмене традиционных ценностей псевдоценностями и неостереотипами идеологии потребления. Основным в этом проблемном поле является то, что нивелирование традиционных духовно-нравственных ориентиров общества не было компенсировано созданием иной стабилизирующей системы ценностей. Ценностный кризис современного (в том числе и российского) общества связан с тем, что социокультурные факторы, формирующие установки личности, подвержены постоянному изменению, а сами конкретные установки индивидов отнюдь не столь динамичны. Соответственно, для нормализации состояния общества необходимо наладить механизмы аккумуляции, передачи и трансформации социокультурного наследия, а главное, постоянно поддерживать его символическое ценностное ядро – морально-нравственные установки, которые всегда объединяли людей для достижения общезначимых целей. Данная работа посвящена

исследованию современных социальных систем и специфики взаимодействия личности молодого человека и социальных институтов в контексте реальной и потенциальной культурной модернизации.

Личность и культура становятся центральными понятиями работы. Социологический подход в исследовании этих феноменов задает определенный ракурс видения поставленной проблемы и путей ее решения. Для определения таких понятий, как «культурный потенциал», «качество культурного потенциала», для анализа их структуры, функций и свойств нам необходимо раскрыть общую специфику социологического подхода в отношении феноменов культуры.

Множественность социологических методов исследования культуры объединяется определением ее признаков, например нормативности, и выявлением главных функций – латентности (поддержание образца) и социализации.

Традиционно основное предназначение культуры видится в выполнении функций трансляции социального опыта (Н. Дубинин), консервации (социальной памяти общности – народа или этноса) (Ю. М. Лотман). Культура определяет специфику человеческого поведения, которое, в отличие от поведения животных, не обусловлено инстинктами и не запрограммировано генетически, а является результатом научения и обучения. К данной трактовке близка точка зрения Э. Гидденса, который рассматривает культуру «как систему ценностей, которых придерживается данная группа людей, норм, которым следуют ее члены, и материальных благ, которые они создают»².

С этим определением можно соотнести и позицию Т. Парсонса, для которого культура – это часть окружающей среды существующей социальной системы. Главным функциональным требованием во взаимоотношениях общества и культурной системы является легитимация общественного нормативного порядка. В ее основе находятся культурно-ценностные образцы как элемент культурной системы в целом. Эти, равно как и другие, символически организованные культурные образцы возникают через эволюцию. Главные образцы культурных систем изменяются на протяжении жизни многих поколений, их всегда придерживаются относительно большие группы людей. Соответственно, социальная система имеет определенное ядро, под которым подразумевается структурированный нормативный порядок. Он содержит ценности, дифференцированные и партикуляризированные нормы и правила, которые постоянно соотносятся с понятием «культура» для того, чтобы быть значимыми в данном обществе. Другим элементом культурной системы выступает языковая среда. Способность научиться языку и использовать его, очевидно, зависит от специфической генетической конституции человека. Понятие «культурность» определяет любое человеческое дей-

стве, поскольку смысл и намерения действий выражаются в терминах символических систем, связанных с языком как общей принадлежностью человеческих обществ³.

Культура, как пишет современный немецкий ученый Ф. Тенбрук, является общественным фактом постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием⁴.

Обобщая различные интерпретации понятия, можно сказать, что традиционно культура как социальный институт выполняет функции аккумуляции, трансляции и распространения духовных ценностей, создания единого символического порядка, включающего в себя нормы и предписания, регулирующие взаимодействие членов того или иного общества.

Опираясь на вышеприведенные мнения, мы определяем, что для каждой эпохи актуален свой набор институционализированных социально-культурных практик, удовлетворяющих потребности стабильного общественного функционирования и развития. Очевидно при этом, что не может существовать некой «общепринятой культуры», которая действовала бы на протяжении истории человечества и вдруг перестала быть эффективной в рамках общества постмодерна. Речь идет о цепочке сменяющих друг друга ценностно-нормативных структур, включающих в себя механизмы внедрения, самовоспроизведения и трансформации. В современном мире существует проблема «динамики культурного контекста» и «стагнации культурных систем». Она выражается в противоречии между резким изменением видов и содержания социального взаимодействия и деактуализацией имеющейся ценностно-нормативной структуры. Меняется содержание поля культуры – язык, доминирующие сферы деятельности, модели поведения, мировоззренческие установки. Однако все это «насаживается» на действующий нормативно-ценностный каркас. Молодежь как наиболее мобильная группа интуитивно пытается тем или иным образом адаптировать его под себя или игнорировать вовсе. Эта тенденция рассматривается в большей части работ, посвященных современной молодежной культуре, как кризис духовности, всеобщий нравственный упадок и т.д. Таковы реалии времени. Однако этот тренд – такой же повод для общественного регресса, как и для развития. Необходим новый культурный концепт, включающий в себя все многообразие современных и перспективных социально-культурных форм, учитывающий психологические особенности поведения человека начала XXI в.,

опирающийся на ценностно-нормативный базис, адекватный для морально-нравственного регулирования общества.

Специфика российской модернизации проявляется в том, что разные социальные группы выступают одновременно как хранителями сложившихся ценностно-нормативных образцов (советских, криминальных, религиозных, корпоративных), так и авторами нового общественного порядка. Эклектика социальных образцов поведения дополняется их новыми формами и видами. Однако институционализация стихийных моделей поведения членов социума требует координирования со стороны социальных институтов и рефлексии гуманитарной науки. Часть из них выглядит абсолютно чуждой традиционным российским реалиям, но оказывается крайне жизнеспособной. Находясь в новых условиях, люди (в первую очередь молодежь) стихийно «протаптывают» новые социально-культурные «тропинки», не обращая внимания на «проторенные» социальным «мэйн-стримом» пути. Из этого следует, что управление функционированием социальных систем может быть эффективным, если оно лично ориентированное, тонко учитывает нюансы поведения членов тех или иных групп, если социальные нормы организуются в соответствии, а не вопреки потребности человека. Такого рода гуманистически-антропологический разворот – важное условие для разработки стратегий эффективной социальной деятельности. Он обязателен к внедрению в науку, менеджмент, образование. Нарушение этой парадигмы может привести к тотальному хаосу и окончательной государственной деструкции.

Если говорить о научном исследовании вопросов культуры в современном мире, мы также не сможем избежать использования дисциплинарной интегративности. Это становится условием выявления объективных закономерностей социально-культурного бытия личности в социуме. Уже сейчас в большей части исследовательских социологических работ, посвященных вопросам духа, духовности, морально-нравственных устоев, в дополнение к системному, деятельностному, историческому подходу стали использоваться феноменологический, семантический, герменевтический подходы, психоаналитические теории. Методом, адекватным исследованию процессов человеческих коммуникаций, стал символично-интеракционистский метод. При исследовании различных социальных систем как самоорганизующихся и обладающих многоуровневой структурой стал использоваться синергетический подход, в частности «теория нестабильности», которую разрабатывал И. Пригожин. Многосоставная методологическая структура стала платформой для всеобъемлющего изучения феномена личности и ее сущностных особенностей, а наука в целом совершила антропологический разворот и вышла на качественно иной уровень.

Безусловно, традиционные социологические методы в исследовании вопросов культурной социализации личности и функционирования социально-культурных общественных систем, которых мы касаемся в своей работе, являются оптимальными. Это связано с научным статусом социологии, которая изучает не человека вообще, а общество как пространство жизни человека, как среду его субъект-объектной деятельности, а также институциональные и деинституциональные связи между личностью и социумом.

Однако актуализация гуманистических тенденций в изучении такого сложного, многосоставного феномена как культура обосновывает необходимость выхода методологических оснований за пределы традиционных социологических методов и экстраполяции философско-антропологических законов социально-культурного бытия. Это позволит преодолеть ограниченность мононаучного социологического подхода. Нельзя не учитывать той тонкой грани, которая все же существует между понятием социального и культурного. Культура не сводима к понятию общества, хотя, безусловно, носит общественный характер и может быть рассматриваема как социальное явление. Ее основная – человекотворческая – функция редуцируется при рассмотрении ее как простой совокупности функций передачи социального опыта, а также регулятивной, знаковой и ценностной функций. Это связано с тем, что в структуре феномена культуры, наравне с социальным, выделяется духовный уровень. К. Манхейм рассматривает эти уровни как несовместимые, отдавая роль общего знаменателя, который наука «вклинивает» между этими полюсами, мировоззрению человека⁵.

Для всестороннего изучения таких многогранных объектов, как личность, культура, культурный потенциал, мы можем применить разработанный Ю. М. Резником интеграционалистский подход, который основывается на синтезе социологического, психологического, антропологического подходов. Такой комплексный подход позволяет рассматривать человека как многоуровневую систему – физическую, психическую и социальную, – изучать «интеграционные» («интегральные») связи и процессы, пронизывающие собой все другие явления человеческой жизни. Они являются одновременно биологическими (по своему происхождению) и социальными (по способу бытия), психическими (по своему «внутреннему» строению) и культурными (по содержанию). Мы сможем изучить человека в социальном плане как интеграцию личности (субъекта деятельности), культуры (универсального способа осуществления деятельности) и социальной организации (формы его совместной деятельности)⁶. Так мы сможем преодолеть подход к личности исключительно как к субъекту общественных отношений и учесть внутреннюю интуицию познания себя, основанную на глубинной внутренней работе и связанную с собственно человеческой природой.

Опираясь на основы интеграционалистского метода, мы можем использовать очень актуальные в современной гуманитарной мысли неогуманистические концепции в исследовании вопросов культуры.

Предполагается, что одним из важнейших аспектов преодоления глобального духовно-нравственного кризиса является новое понимание гуманизма, основанное на идее коэволюции и гуманистической антропологии Э. Фромма. Идея неогуманизма может стать отправной точкой в решении социальных проблем. В данной работе автор определяет понятия «культура» и «культурный потенциал», основываясь именно на постнеклассическом типе рациональности. Он выстраивает знание с учетом структур повседневного мира и не противопоставляет человека как познающего субъекта объективному миру, а напротив, признает его частью этого мира и фактором, влияющим на современные эволюционные процессы, а соответственно, несущим определенную ответственность за результат.

Сам неогуманизм связан с ключевым понятием всех гуманитарных исследований – феноменом культуры, так как именно он представляется основополагающим свойством человеческого мира. Именно культура, так называемая искусственная среда, отделяет человека от животного. Однако очень часто, можно сказать, традиционно, под культурой подразумевают некую «тварность» – способность человека производить предметы, не присущие живой природе, и собственно сами артефакты. Самое распространенное определение культуры из более чем 500 имеющихся – это совокупность материальных и духовных ценностей человека, созданных в процессе исторического развития. Напрашивается метафора – смысловая метла, сметающая, не разбирая, все, что человечество «натворило» за тысячелетия своего существования. Но все ли созданное человечеством можно назвать культурой? Современная эпоха требует иного отношения к этому миру.

«Особенностью всех догуманистических подходов является то, что они базируются на том или ином “дочеловеческом” типе детерминизма и дело сводится у них не к человеческому развитию, а, в конечном счете, лишь к адаптации биологической природы человека к жизни в обществе»⁷. Ученые-неогуманисты (В. Франкл, М. Каган, А. Конев, Г. Меньчиков и др.) предлагают подход к определению культуры человека, который, на наш взгляд, является более глубоким и отражающим свойства, имманентные собственно человеческой природе. Неогуманисты постулируют, что культура – это не просто совокупность материальных и духовных ценностей (вместе с процессом их создания, хранения, распространения и потребления), а такая их совокупность, которая ведет к очеловечиванию человека. То есть культура – не вся «внутренняя природа» и не просто все «во второй природе». Вне этого совокупность

ценностей превращается просто в склад, в процесс их создания – в технологию или, по словам В. А. Кутырева, в «тектуру».

Рассуждая о традиционном понимании культурного потенциала, необходимо соотнести между собой такие понятия, как социальный, интеллектуальный, культурный потенциал, культурный (человеческий) капитал.

В целом под *потенциалом* подразумевают совокупность возможностей, источников, средств, запасов и т.д., которые могут быть приведены в действие, использованы для решения определенных задач, достижения поставленных целей, а также возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области⁸. Таким образом, под потенциалом подразумеваются скрытые и нереализованные возможности объекта, которые при определенных условиях могут превратиться из возможности в действительность.

Переходя к определению такого термина как «культурный потенциал», мы обратимся к определению социального потенциала, который дает М. А. Нугаев: *«Социальный потенциал – это целостная характеристика возможностей реализации человеком своих внутренних сущностных сил, а также комплекс условий и факторов использования обществом способностей, талантов, навыков и умений его членов. В широком смысле слова социальный потенциал – это цельная характеристика всей суммы возможностей, как субъективных (внутренние, личностные силы), так и объективных (способность социума создавать условия для реализации разнообразных потенций людей)»⁹.*

Исследуя социальный потенциал региона, М. А. Нугаев и Р. М. Нугаев¹⁰ определяют такие его основные элементы:

- экономический потенциал;
- общественно-политический;
- правовой;
- культурный (идеологический, образовательный, потенциал искусства).

Также они обосновывают, что для того, чтобы произошла реализация потенциала, необходимо включить деятельностную составляющую в структуру социального потенциала региона.

Теоретически понятие «интеллектуальный потенциал» является одноположным с понятием «культурный потенциал», и с точки зрения логического анализа они оба являются видом понятия «духовный потенциал», а оно, в свою очередь, – видом понятия «социальный потенциал». Согласно формальной логике, содержание каждого индивидуального понятия имеет в своем объеме все признаки более общих для него, родовых понятий. Поэтому культурный потенциал, кроме специфических признаков, содержит в себе все отличительные свойства как духовного, так и – шире – социального потенциала. Основными подходами исследования культурного потенциала, как и социального, являются деятельностный и

системно-структурный подходы, которые, однако, в силу специфики исследуемого предмета при исследовании культурного потенциала региона будут дополнены средовым и комплексным подходами, разработанными В. Л. Глазычевым, и интегралистским подходом Ю. М. Резника.

Для осмысления сущностных характеристик, представляющих качество духовной сферы, полезно использовать и такое понятие современной западной социологии как «культурный капитал» (институционализированный в форме образования и в определенных условиях конвертируемый в экономический капитал).

В целом культурный капитал может выступать в трех состояниях: инкорпорированном [embodied state], т.е. в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированном состоянии [objectified state] – в форме культурных товаров (картин, книг, словарей, инструментов, машин и т.д.), являющихся собой отпечаток или воплощение теорий или их критики, некоторого круга проблем и т.д.; наконец, институционализированном состоянии [institutionalized state], т.е. в форме объективации (ее следует рассматривать отдельно, поскольку она, как будет видно на примере образовательных квалификаций, наделяет культурный капитал совершенно оригинальными свойствами, которые, как предполагается, тот сохраняет). Культурный капитал, по мнению П. Бурдьё, во многом определяет доступ к экономическому и социальному капиталу. Именно благодаря полученному образованию перед личностью раскрываются соответствующие ему возможности трудоустройства и заработка. Имеет место процесс взаимовлияния различных форм капитала.

Джон Коулман во многом дополнил разработку теорий человеческого и социального капитала. Физический капитал, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, полностью осязаем. Человеческий капитал менее осязаем: он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку существует только во взаимоотношениях индивидов. Финансовый капитал измеряется семейным богатством и доходом и является источником потенциальных возможностей для индивида, например в получении образования. Человеческий капитал определяется во многом образованием родителей и в совокупности формирует потенциал для когнитивной среды ребенка, помогающий обучению. Социальный капитал находит свое воплощение в способности родителей вовлечь ребенка в образовательный процесс, представляя собой совокупность отношений между родителями и детьми. Основная идея исследователя состоит в тесной взаимосвязи трех видов капитала. Человеческий капитал не имеет большого влияния вне связи с социальным¹¹.

Концепция «человеческого капитала» Дж. Коулмана основана на функционалистском разделении внутренних и внешних ресурсов человека,

она удовлетворяет исследовательскую потребность в их четком структурном разделении и определении функциональной принадлежности. Однако, рассуждая о культурном потенциале, мы не можем упустить из виду присутствие у личности сущностного надфункционального ядра – идентификационного стержня, о котором говорилось ранее. Это и есть та самая «культурная основа» личности, когда под культурой в рамках интеграционалистского подхода подразумевается не только система ценностей, организующая деятельность индивидов в рамках социальной общности, и не только система развития человека как субъекта деятельности, но метасистема деятельности, объединяющая в себе эти элементы и не сводимая к их сумме. В этом смысле, определяя «человеческий потенциал» как совокупность навыков, знаний и умений, мы сужаем его значение. В связи с этим, отталкиваясь, как от отправного, от понятия дефиниции «человеческий капитал», мы выстраиваем концепт культурного потенциала.

Существует несколько разработанных функционально-деятельностных понятий культурного потенциала. Под ним подразумевают «условный показатель, отражающий способность культуры к функционированию, выживанию и развитию при оптимальных социально-экономических условиях той или иной страны»¹²; «совокупность объективных и субъективных возможностей или факторов, способствующих развитию культурного пространства города или региона»¹³. По Т. И. Заславской, социально-культурный аспект человеческого потенциала характеризует социально-значимые особенности *менталитета* граждан, особенности убеждений и верований, уважение к закону и праву, уровень морали и нравственную структуру мотивационных комплексов и типов поведения¹⁴. Полагаем, что приведенные определения культурного потенциала носят узкий характер и не опираются на логически обоснованное исходное представление о культуре как специфическом явлении человеческой жизни. Ближе к нашей трактовке этого термина версия социолога О. И. Иванова, который определяет его «как потребность, способность и готовность его носителя, социальных общностей использовать при необходимости базовые и некоторые специфические способы поведения и мышления и их результаты». Он акцентирует внимание на том, что социальные общности могут использовать в своей деятельности основные, социально одобряемые способы поведения и мышления и в то же время при необходимости их изменять, а также создавать новые способы поведения и мышления, если они перестают быть социально одобряемыми¹⁵.

Культурный потенциал личности, рассматриваемый в рамках интеграционалистского подхода, состоит из множественных приобретенных и врожденных характеристик индивидуума:

– собственно человеческих экзистенциальных качеств (стремление преодолеть конечность бытия, созидательная творческая деятельность через катарсические переживания, например через любовь, через способность к рефлексии и т. д.);

– социальных качеств личности как инстита связи человека и общества (ценностная ориентация, знание социальных норм, социальные статус и роль, практические навыки, умения, знания, интеллектуальный уровень развития, образовательный опыт и т. д.);

– уникальных психофизиологических особенностей каждого индивидуума (темперамент, поведенческая специфика).

Собственно, эти характеристики определяют сущностное понятие «человек» и соотносятся с общим понятием «культура», т. е. один из элементов культурного потенциала рассматривается как внутренний потенциал человека, личности.

Эти характеристики сочетаются с внешними условиями, которые должны соответствовать возможностям проявления внутренних ресурсов вовне. Объективные факторы реализации культурного потенциала идентичны факторам реализации интеллектуального потенциала – это факторы экономические, экологические, этнические, социально-политические, психофизиологические, этико-эстетические, юридические, идеологические и др.

Внешние условия могут быть проиндексированы в соответствии с тем, насколько они способствуют процессу внутреннего развития личности, актуализации культурного потенциала и трансформации ценностного содержания социального пространства региона, как, например, это сделал известный социолог Р. Флорида в своей работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». Он исследовал критерии создания «креативного климата современных городов» и выявлял различные характеристики городской культуры, способствующие реализации креативного потенциала личности. Эти характеристики он индексировал в соответствии с уровнем эффективности их действия, влияющим в конечном итоге на уровень экономического развития региона. Основными индексами были определены «3Т» – толерантности, технологичности, таланта, – а дополнительными – богемности, гей-индекс и др.¹⁶ Такого рода индексы могут быть актуальными и для исследования социо-культурного, политического и экономического ландшафтов региона, острой задачей которого является актуализация культурного потенциала.

Таким образом, сочетая все вышеперечисленные составляющие, мы можем остановиться на определении культурного потенциала как характеристики возможностей реализации человеком своих внутренних экзистенциальных сил, имеющих отношение к понятию «человеческое в

человеке», социально-личностных сил, развития природных способностей вкупе с характеристикой возможностей раскрытия и использования обществом человеческих способностей и талантов.

Примечания

- ¹ Капица и его демография URL: <http://intention.newmail.ru/metaphysics/kapitca.htm> (дата обращения: 25.03.2011).
- ² Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 66.
- ³ См.: Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494–526.
- ⁴ См.: Tenbruck F. H. Representative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990. S. 29.
- ⁵ Манхейм К. О специфике культурно-социологического познания. М., 2000. С. 290.
- ⁶ См.: Резник Ю. М. Личность и общество // Личность, культура и общество. Избранные статьи. 2000. Т. 2. Вып. 3. С. 13.
- ⁷ Меньчиков Г. П. Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). Казань, 1999. С. 113.
- ⁸ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов. 2 изд. // Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. М., 1995. С. 331.
- ⁹ Нугаев М. А. Базовая модель качества социального потенциала региона. Казань, 2009. С. 4.
- ¹⁰ Нугаев Р. М. Общественная идеология как предмет теоретико-социологического исследования / Р. М. Нугаев, М. А. Нугаев, А. Б. Мадияров // Знание, ценности, идеология в модернизирующемся обществе. Казань, 2002.
- ¹¹ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 126.
- ¹² Хоруженко К. М. Энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997. С. 391.
- ¹³ Трифонова З. А. Культурный потенциал национальных столиц России : типологические характеристики / Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества : материалы VIII межвуз. науч.-практ. конф. по общегуманитарным, правовым и экономическим вопросам. Чебоксары, 2007. С. 27.
- ¹⁴ См.: Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 15.
- ¹⁵ Иванов О. И. Теоретические основы формирования механизмов воспроизводства ювенольного потенциала // Актуальные проблемы демографического развития Санкт-Петербурга : материалы конф. СПб., 2004. С. 136.
- ¹⁶ См.: Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М., 2007.

УДК 316.346.3

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ (ELDERLY ABUSE) КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ (макросоциологический анализ)

П. В. Пучков, С. В. Афанасьева

Институт коммуникативных технологий, г. Москва
E-mail: pavelpuchkov@yandex.ru

Саратовский государственный университет
E-mail: afanasevasvetlana@yandex.ru

На основе макросоциологического анализа в статье освещаются вопросы, касающиеся проблемы геронтологического насилия (elderly abuse) в условиях конфликтогенности взаимодействия поколений и глубочайших трансформационных перемен в российском обществе, наблюдаемых за последние годы нового тысячелетия.

Ключевые слова: геронтологическое насилие, конфликт поколений, трансформационные переменные, межкультурный коммуникационный феномен.

Elderly Abuse as Cross-cultural Communication Phenomena in the Conditions of the Conflict Interactions of the Generations (Macrosociology Analyse)

P. V. Puchkov, S. V. Afanasyeva

The article deals with some issues concerning some problems of the elderly abuse in the conditions of the conflicts interactions of the generations and the deepest transformation changes in the Russian society, observed for the last years of a new millennium.

Key words: elderly abuse, conflicts of the generations, transformations changes, cross-cultural communication Phenomena.